можно допустить, что онъ не имѣетъ практической важности. Пока населеніе земного шара достигнетъ предѣльной цифры, успѣетъ умереть еще не одно поколѣніе. Но если мы поставимъ вопросъ въ болѣе тѣсныя рамки и возьмемъ ту или другую густо населенную мѣстность, онъ получаетъ уже совершенно иное жизненное значеніе и вынуждаетъ считаться съ собою не только науку, но и правительства.

Вопросъ о голодающихъ рабочихъ не разрѣшается ироническимъ изложеніемъ теоріи Мальтуса и замѣчаніемъ: „зачѣмъ они, дураки, родятся, когда знаютъ что нечего имъ будетъ ѣсть“.

Дѣло идетъ не о дѣтяхъ, а о родителяхъ, и вопросъ о томъ имѣютъ ли право люди давать жизнь другимъ, если не въ состояніи нѣкоторое время обезпечить ее, вопросъ настолько серьезный и спорный, что различно рѣшается законодательствами различныхъ странъ. Законъ Мальтуса возмущаетъ Л. Н. Толстого, потому что онъ видитъ въ немъ предлогъ для оправданія роскоши: если бѣдственное положеніе рабочихъ возникаетъ изъ физической необходимости, то въ немъ не виновата роскошь богатыхъ классовъ. Но это негодованіе зависитъ, мнѣ кажется, отъ того, что тутъ смѣшиваются два вопроса: люди богатые несомнѣнно могутъ помочь бѣднымъ, и это ихъ нравственная обязанность, но отсюда никакъ не слѣдуетъ, что еслибы не было богатыхъ, не осталось бы и бѣдныхъ.